

— Георгий Михайлович, а почему, собственно, вы не хотите давать интервью?

— Не принимайте именно на свой счет. Вы из Самары, там люди намного чище. У нас в Москве, я вам скажу, хамья много. Столичные журналисты не считаются ни с чем. Звонят в любое время дня и ночи, задают глупейшие вопросы. А эти жужжащие машинки, которые они запихивают тебе в рот... Я даже начал их бояться: как бы не укусили. К тому же я с детства запомнил, что самое неприятное в жизни — это экзамены, когда ты должен отвечать на чьи-то вопросы. Неважно, чьи именно: учительницы, директора школы, милиционера или, как вот сейчас, журналиста. В такой ситуации ты должен вразумительно, а главное — спокойно отвечать на все вопросы. А я лично всегда боялся этого и прятался за чью-то спину.

— Может быть, поэтому вы так доходчиво донесли до зрителя образ Труса?

— Когда я играл Труса, то играл себя в детстве. По актерскому амплуа он мне очень близок, я про него знаю все. Он нежный, по своему поэт. Он не вяжется в этой шайке с другими.

— Вы любите импровизировать на съемочной площадке?

— Да. Например, помните в «Кавказской пленнице», когда мною вышибают дверь и я улетаю в окно? Я тогда поступил совсем не по сценарию... Во время погоны за Варлей пугаюсь упавшего с нее платка. А когда Моргунову делали укол, я предложил, чтобы шприц остался в его ягодице и размеренно покачивался.

Но самая моя любимая находка — это эпизод, когда Трус, Балбес и Бывалый решили стоять перед автомобилем насмерть. Наверное, помните, как Трус, зажатый в тиски, начинает биться в конвульсиях.

Очевидно, импровизации удалось — все смеются до сих пор.

— Какая атмосфера царил на съемках этих фильмов?

— Хорошая, рабочая. С Леонидом Гайдаем работать было очень легко и просто. Он принимал все наши остроумные находки.

— Сейчас пишут в газетах, что Никулин, Моргунов и Вицин в жизни друг друга ненавидели...

— Не читайте газет. Пусть дружба как таковой у нас не было, но нормальное общение было.

Человек должен залумываться над всем, что совершает. Внутренний контроль должен быть всегда. Зачем, например, человек курит? Я затянулся, когда мне было семь лет, так чуть не умер от этого едкого дыма. Больше по собственной воле к сигаретам не прикасался. Хотя и на съемочной площадке, и в жизни приходилось несколько раз насиловать себя.

Почему-то считается, что актеры — порочные существа. Они не порочные, скорее они несчастные.

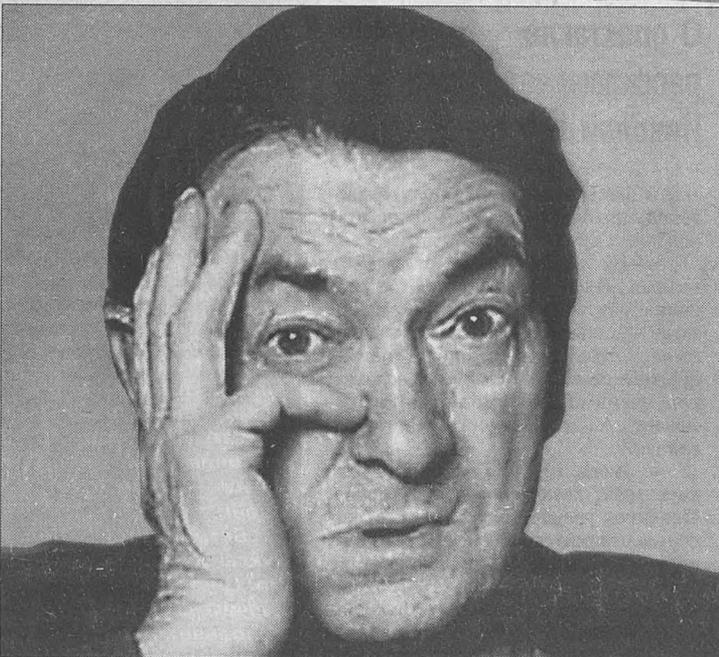
С журналистами Георгий Михайлович принципиально не общался, а наша встреча состоялась лишь с помощью супруги Вицина, которая хорошо знает Самару, откуда я прежал, помнит ее еще со времен войны. По телефону мы договорились встретиться во время прогулки Георгия Михайловича с собакой. «Только никаких интервью, просто поговорим». «Хорошо», — слукавил я. Еще издали завидев известного актера, под рубашкой нажал на диктофоне кнопку «запись»: простите, уважаемый актер, но как же можно лишать читателей вашего интервью?

Новая 193. 2001. 29-31 Окт. - с. 22

МЕЧТАЛ

СТАТЬ САДОВНИКОМ

Последнее интервью Георгия ВИЦИНА

Природа так их устроила, что часто они не понимают, что есть такие вещи, которые делать нельзя. Они губят себя. Может быть, поэтому с моими коллегами меня никогда не связывали близкие отношения. Актеры часто бросаются в крайности: или пьют, или много едят. А я человек непьющий.

— Часто приходилось сталкиваться в жизни с политиками?

— Бог миловал. Я всегда удивлялся: зачем люди идут на это самоистязание? Посмотрите, как многие стремятся попасть в Государственную Думу. Эти люди хотят каких-то благ, не обращая внимания на то, что получение этих благ унижительно. Мне их жалко. Что поделат, вот такие они выродки.

Я еще в детстве удивлялся: почему это руководить часто стремится человек, ничего не понимающий в людях, нехороший и злой?

Люди, которые ценят человека, не стремятся повелевать себе подобными. Политики — бездарные личности, потому и занимаются этим ремеслом. Может быть, они просто не научились нормально делать другую работу?

— О чем вы мечтали в детстве?

— В раннем детстве я только и мечтал о том, чтобы стать садовником. Мне всегда нравились растения. Я обожал и розы, и траву, и деревья. Мне всегда хотелось сотрудничать с природой.

А в лицедеи меня потянула моя детская закомплексованность.

Очень хотелось избавиться от комплексов, вот я и стал заниматься в драмкружке. Это было лечение. Чтобы побороть свои комплексы, мне надо было приучить себя к аудитории, побороть стеснение.

— Лечение лечением, но работа должна и деньги приносить...

— Что касается денег, то профессия киноактера, тем более в советские времена, не могла принести больших доходов. Самое главное — чтобы хватало на хлеб с маслом. Актер не должен быть сытым. На кой хрен нужны мне эти бумажки? Я их никогда не коллекционировал.

— В свое время вы окончили школу-студию МХАТ и даже работали в театре, а потом о нем забыли. Что случилось? Кино влекло к себе больше?

— Ничего особенного. Просто совмещать одно с другим было физически невозможно.

— Помните свою первую роль?

— Конечно. Это начало начал. Первой моей ролью была роль Гоголя. Из Ленинграда в Москву приехала помощница великого Козинцева, чтобы найти исполнителя на роль Гоголя в фильме «Белинский». Она обошла многие театры. Я попал к ней на заметку. После проб меня утвердили, и я с удовольствием окупился в процесс съемки. Кстати, Козинцев позже, узнав, что я стал играть в комедиях, очень расстроился. Он почему-то искренне считал меня серьезным актером.

— Скажите, как вам удалось в сорок восемь лет создать образ по-весы Бальзамина?

— Наверное, занятия йогой. Они помогают войти в нужное состояние в любой момент и при любых обстоятельствах. Я и стариков играл в молодом возрасте. Многие удивлялись: «Не может быть, что он такой молодой». Сейчас мне уже почти 85 лет, я старый йог, но до сих пор у меня нет ни одного седого волоса. Правда, зубов во рту тоже не осталось.

— Слышал, что все члены вашей семьи так или иначе связаны с искусством.

— Да. Жена Тамара Федоровна, племянница Мичурин, много лет работала художником-бутафором в Малом театре. Дочь Наташа окончила графический факультет Суриковского института...

— Я знаю, что вы тоже рисуете, занимаетесь скульптурой...

— Точнее, скульптурным портретом. Сейчас изобразительное искусство я ставлю выше кинематографа. Иногда думаю, что, будь я немного моложе, съемочной площадке предпочел бы свет солнечной поляны, хвойного леса, голубого озера. Я бы сидел целыми днями и водил кистью, чтобы запечатлеть эту красоту.

— У вас есть золотое правило?

— Не удивляться ничему плохому. Я научился этому не сразу, а когда смог, с облегчением вздохнул и понял: вот она, жизнь.

● Алексей СЕМЕНОВ
Из газеты «Самарское обозрение»